

К ПОНЯТИЮ ПРАВОВОЙ ФОРМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Рассмотрено разногласие между традиционными взглядами на правовые формы деятельности и методологическим обновлением юридической науки, а также между органическим для концепции правового государства необходимым пониманием правовой формы деятельности и старой методологией. Доказано, что правовые формы деятельности в демократическом правовом социальном государстве должны отвечать требованиям ценностно-правовой рациональной организации и функционирования государственных органов на правовой основе. При этом, за игнорирование ценностного компонента в формально-правовой рационализации государственных структур общество всегда платит большую социальную цену.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, право, органы власти.

ALEEV G., OLEJNIKOV S.

TO CONCEPT OF THE LEGAL FORM OF ACTIVITY OF THE STATE

Disagreement between traditional views of legal forms of activity and methodological updating of jurisprudence, and also between necessary understanding of a legal form of activity, organic for the concept of the constitutional state, and old methodology is considered. It is proved that legal forms of activity in the democratic constitutional social state have to meet the requirements of the valuable and legal rational organization and functioning of government bodies on a legal basis. Thus, in formal and legal rationalization of government institutions society always pays for ignoring of a valuable component the high social price.

Keywords: state, civil society, right, authorities.

Проблема правовых форм деятельности государства и анализ её толкований, построенных на представлениях относительно смыслообразующих понятий о государстве и праве, отражают ту сторону государственно-правовых закономерностей, которые вытекают из специфики взаимосвязи государства и права. К проблеме обращались в аспектах государственной деятельности, функций государства, государственно-правовой организации социальных систем, подсистем юридического процесса [15], юридической деятельности, юридической практики, в ценностном аспекте и др. При этом, мировоззренческая основа исследований, его принципы и методы строились одинаково в смысле обоснования методологических подходов: работы проводились во время безраздельного господства позитивизма в правоведении, который строился на определенной данности мировоззренческих постулатов, на соответствующей им философии права и государства, которые и легли в основу однозначных суждений о приоритете государства над правом в их соотношении.

Легитимация и конституирование обществом принципов правовой государственности актуализирует проблему правовых форм деятельности, поощряет к использованию цивилизационного мировоззренческого потен-

циала концепции, корректирует акцент на теоретической и фактологической основе проблемы — соотношении государства и права как реалий и понятий. Поэтому тема правовых форм деятельности государства не может обойти вопроса её методологического обоснования недогматизованным взглядом на социальные процессы. Без него распознавание правовой природы деятельности государства не даст ничего нового в актуализации главного вопроса проблемы: при соблюдении каких условий деятельность государства может признаваться правовой, осуществляемой именно в правовой форме. Ведь юридически корректная деятельность властных субъектов создает лишь внешнее впечатление о ней как о правовой. В теории права она могла быть названа правовой на основании любого видения приоритетов в соотношении государства и права. В контексте же конституционных принципов правового государства, исходя из природы и назначения права и государства в обществе, иначе как правовыми любые виды государственной деятельности быть не могут.

Методология юридической науки определяется как система принципов организации и построения теоретико-познавательной деятельности в области исследования государственно-правовой действительности, а также учение об этой системе [9, с. 6]. Главное в системе методологического плюрализма для философской методологии то, что она, являясь мировоззренческой основой, обладая объясняющими свойствами, дает вариант возможного пути к пониманию соотношения государства и права. Важное другое: философский позитивизм и его логическое продолжение — позитивизм юридический не могут объяснить феномен права, государства, характера их соотношения на уровне сущностей, а, следовательно, феномен правовых форм деятельности в их изначальном, сущностном понимании. Аналитическая юриспруденция не объясняет государственно-правовые закономерности, в т. ч. и правовую природу государственной деятельности и её формы. В пределах её объясняющих рамок исследование правовых форм деятельности остается в поле зрения юридической догмы, так и не объяснив причины, по которым эта деятельность считается правовой. Аналитическое правоведение вообще не имеет цели объяснения сущности, природы и причин существования правовых явлений. Без философско-правовых оснований, обогащающих правопонимание, ставить вопрос о правовой форме деятельности государства сложно.

Сложилось определенное разногласие между традиционными взглядами на правовые формы деятельности и методологическим обновлением юридической науки, а с другой стороны — между органическим для концепции правового государства необходимым пониманием правовой формы деятельности и старой методологией. Очевидно, необходим синтез, учитывающий традиции науки в этом вопросе и способный привести к адекватному пониманию сущности правовых форм деятельности, к новому раскрытию смысла понятия «правовая форма деятельности», как образа бытия реального права в системе организации и функционирования институтов государства. Учение о правовых формах не вписывается в одностороннюю методологию исследования взаимосвязи государства и права. Методология как часть социальной и политической философии представляет образ видения и организации исследования и включает приемы и оценки концептуального и идейного арсеналов, знание о границах и методах этой науки [4, с. 502]. Категория

«правовая форма деятельности» может рассматриваться в рамках двух основных методологических подходов: позитивистского и естественно-правового. Первый не объясняет правовую природу деятельности государства, как и природы самого государства; второй на это претендует. Позитивизм в оценке правовых и политических явлений свободен от ценностей, его интересует факт, эмпирика деятельности. Он не пускает в правоведение философское, мировоззренческое начало, оставив ему формально-юридический анализ законодательства как данности, которая не нуждается в оценках. Выводы ценностного, мировоззренческого, идеологического характера позитивизм объявил ненаучными [4, с. 506]. Распространен постулат позитивизма о конце идеологии в государственно-правовых, политических исследованиях. Либеральные традиции, идеи правового государства требуют от правовых форм деятельности другого. Абстрагируясь от ценностей, государственная деятельность теряет критерий социальной значимости. Она может быть признана правовой лишь тогда, когда несет ценностный гуманитарный потенциал, основывается на праве, ориентируется на ценностное измерение власти и законодательства. Включение в проблематику правовых форм деятельности их аксиологического измерения обращает ее, прежде всего к праву, а не к закону.

Аналитическое правоведение выходит от данности государства, которое создает законы, т.е. анализирует и описывает то, что есть, не ставя вопрос, какими государство и право должны быть. Аналитика не рефлексует между должным и сущим, поэтому не видит правовую природу государственной деятельности, не выводит ее из правовых требований общества, не ставит вопрос о соотношении государства и общества, права и закона. Правовые формы государственной деятельности объясняет однозначно схемой «государство – право», где первое всегда доминирует над вторым, определяя его содержание и судьбу. В либеральной традиции отечественного правоведения и философии права, оценивая возможности формально-юридической теории, Н. Палиенко признал, что вопрос о соотношении государства и права невозможно определить методами аналитического правоведения [13, с. 305]. Последняя, если и может определить правовую форму деятельности, то только своим методом – описанием, дескрипторным анализом. Природа правовых форм деятельности как способа взаимодействия государства и права не подлежит адекватному распознаванию при игнорировании философско-правовых принципов. Правовой может быть только такая деятельность государства, которая сохраняет правовое содержание, иначе она становится «преобразованной» формой с внешними признаками формально-юридического и отсутствием содержательно-правового. Тогда можно под понятие правовой формы деятельности подвести издание любого государственного веления, отвечающего требованиям юридически корректного нормативно-правового акта.

Таким образом, обновление методологических посылок в исследовании правовых форм деятельности государства должно привести к рождению их нового категориального понимания. Едва ли оно будет совпадать с её известными формально-юридическими признаками, практически важными, но вторичными по отношению к генетическим правовым свойствам государственной деятельности.

Вывод проблематики правовых форм деятельности за границы формально-догматического понимания будет отвечать политике государственно-правовых преобразований на новой – правовой парадигме юридической науки [14, с. 105-109], где рационализация идейных формул и априорных правовых принципов правовой государственности, духовная природа права, которое признает правовое устройство общества и государства только на основе признания автономии личности, приобретает конкретное выражение в правовых формах деятельности этого государства.

Последние должны вписаться в «понятийный круг» дефиниций в диапазоне от сущностно-объяснительных до сущностно-оценочных. К каждому уровню правовую форму деятельности должны подвести ее категориальное понимание. Проблема правовой формы деятельности не связана с появлением понятия правовой формы. Это словосочетание лишь обозначило функцию, способ взаимодействия государства и права. Проблема же соотношения государства и права, права и власти существовала всегда – и в античности, и в наше время. Однако сегодня проблема соотношения права и государства, если правильно понимать эти термины, не может быть разрешена, если проследить связь «государство – право», игнорируя гражданское общество, для которого и из которого право и власть, по сути, черпают свой потенциал. Правовая форма деятельности, понимаемая как деятельность легитимная, обеспечивающая безопасность граждан, их права и свободы (где принуждение также должно отвечать признакам легитимности), вообще в идеале возможна не только как формально-юридическая, а именно как правовая только при условиях, где достаточно развитые демократические институты способны реально влиять на властные структуры. Одним словом, правовая форма деятельности в идеальном варианте, как такая, что отображает партнерские отношения развитого гражданского общества и сильной авторитетной и предсказуемой власти, вытекающие из договорной природы конституции, только при условиях развитых демократических институтов на основе согласия о правовых принципах жизнеустройства, воплощенные в правовые принципы и ценности, которые составляют основы конституционного порядка, может стать правовой конструкцией, моделью, в которой государственная деятельность связана правом.

Теория права и государства теряет смысл, если не способна к рефлексии между должным и сущим. Категория правовых форм деятельности отображает должное: категории и оценки, построенные на критерии их соответствия правовым требованиям – прежде всего. Определение за категорией «правовая форма деятельности» только набора формально-юридических признаков унижает их роль и, главное, ничего не объясняет такого в системе требований к государственной деятельности и ее должностным лицам, что могло бы выходить за рамки корректно выверенных, юридически точных предписаний законодательного акта. Представляется, что место категории «правовая форма» – не среди категорий, расположенных в ряде догмы права как составляющей теории права: она должна объяснять смысл связи «государство – право», смысл «связанности» государственных институтов предписаниями права, правами человека, воплощенными в формальном законе как надлежащее, такое, что требуется имманентным свойством государственной демократической власти – быть орга-

низованной правом и функционировать в единственно возможной правовой форме, как способе организации своего содержания и внешнего выражения. Этим объясняется и место правовых форм деятельности в правовой системе общества – быть образом связи между статическими и динамическими блоками, где государственное начало подчинено правовому; отображать реальное бытие права в организованных на основе его принципов государственных структурах.

Деятельность (динамический блок правовой системы) – законотворчество, правоприменение, другие виды – не что другое, как динамические элементы правовой системы, где реально воплощены генетические связи и функциональные зависимости институтов государственной власти от права, извне объективируемые как зависимое сущее (деятельность, функционирование государственных органов) от надлежащего (компетенции, законодательно определенных границ деятельности, процедур), воплощенного в правовом законе.

Поиск рационального устройства общества начался практически из Древнего мира. Средства рационального устройства виделись разными. К. Ясперс описал три образа организации общества: организация на основе частного интереса изолированно взятого индивида; организация формально-правовая, где каждый рассматривается лишь в том измерении, в котором он равен всякому другому; организация типа неформальных общин, органическая целостность людей, объединенных на национальной или духовной основе. Каждый из этих типов имеет право на существование [17, с. 14]. Очевидно, государственно-правовая организация современного общества должна обеспечивать его развитие к такому положению, когда в гражданском обществе обеспечиваются гарантии его эволюционного развития, а государство должно быть организованным на рационально-правовых началах, которые отображают духовную природу права, которое отвечает духу нации, системе ее ценностей, органически включенных в правосознание.

В истории известны разные типы рациональности. М. Вебер также рассматривал формально-правовую рациональность как легитимационное обоснование власти [8, с. 646]. Рациональная легитимация государственной власти при условиях демократической трансформации общества диктует соответствие формальной рационализации деятельности государственной власти ее правовым легитимационным основам, с включением правовых образов легитимации. К числу легитимационных оснований рациональной государственной деятельности, прежде всего, нужно отнести конституцию демократического правового государства, которая отражает согласие, по сути – договор между обществом и властью по поводу основных, базовых ценностей, охраняемых государственной властью и границами самой государственной власти, организованной на рационально-правовой основе. Рационализация, исключая ценности, так называемая целерациональность, игнорирующая правовое начало в государственной деятельности и признающая лишь формально-правовое, не оставляет места и роли праву в жизни общества. Сам тип рационализации власти, его легитимационные основания всегда находились в прямой связи с политическим режимом в стране, были его своеобразным проявлением. Демократическое общество и правовое государство требуют и конкретного содер-

жания оснований рациональной деятельности государственных институтов. Основа нового типа рационализации власти – правовые ценности.

Правовые формы деятельности в демократическом правовом социальном государстве должны отвечать требованиям ценностно-правовой рациональной организации и функционирования государственных органов на правовой основе. За игнорирование ценностного компонента в формально-правовой рационализации государственных структур общество всегда платило большую социальную цену.

Правовой формой деятельности государства может признаваться лишь такая, которая: 1) отвечает принципу верховенства права в организации и функционировании государственных институтов (при этом вопрос о приоритете права над государством или наоборот принципиально решен в конституции страны, государство в данном консенсуальном акте взяло на себя обязанности, которые вытекают из легитимного правового конституционного акта); 2) построена по принципу, обеспечивающему гарантии соблюдения прав человека и гражданина; 3) имеет ценностное содержание, поскольку сформирована на основании правовых ценностей, объективируемых в правовом законе, им служит (исходя из служебной роли государства и его органов); 4) является модельным выражением рационально-правовой организации общества и государства (во всех ее разновидностях — законодательстве, процедурах референдумов, выборов и др.); рациональность в духе М. Вебера требует существенного смыслового уточнения: основной рациональности государственной власти и деятельности государственных органов становится не просто формальный закон, а закон правовой, легитимный; смыслообразующим компонентом правовой формы деятельности становится право, а не формальный юридически корректный акт власти (последний имеет значение рационализирующего фактора, если он отвечает правовым принципам); 5) является легитимированной обществом через демократические процедуры, которые только в этом значении становятся правовыми, такими, что отвечают представлениям людей о справедливой и гуманной власти, правовые требования, ценности, имманентные обществу.

Вероятно, логика права, стоящего над государством и подчиняющего его себе, опирающегося на легитимационные основания в институтах гражданского общества, продолжается в системе формально-правовых признаков правовой формы деятельности (закрепленность деятельности нормативными актами, процессуальная регламентация, юридическая техника и др.).

Рассмотрение правовых форм деятельности на новых подходах поощряется логикой государственно-правового реформирования, конституционной теорией и практикой, идейными истоками правовой государственности, опытом юридической науки в вопросах соотношения права и государства и запросами теории права и государства, которая постоянно уточняет свой понятийный аппарат.

Литература

1. Авцинова Г.И. Мифы и реальность устойчивого развития // Власть. 2012. №5.
2. Авцинова Г.И. Социально-правовое государство: сущность и особенности становления // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. 1996. №3.
3. Буренко В.И. Политическая оппозиция: история идей и современный политический процесс // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2013. №8.

4. Гаджиев К. С. Введение в политическую науку. М., 1997.
5. Гришин О.Е. Политические практики и технологии: некоторые существенные характеристики // Общественные науки. 2010. №4.
6. Гришин О.Е. Политическая деятельность: технологическое измерение // Вестник Омского университета. 2011. №3.
7. Гришин О.Е. Технологическое обеспечение устойчивости политической системы // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2014. №16.
8. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
9. Козюбра Н. И. Понятие и структура методологии юридической науки // Методологические проблемы юридической науки. Киев, 1990.
10. Нестерчук О.А. Мораль политики и политика морали в системе международных отношений // Безопасность Евразии. 2012. №1.
11. Морозова Е.Г., Фалина А.С. Модернизация как концепт современной политологии // Государственная служба. 2013. №1(81).
12. Морозова Е.Г., Фалина А.С. Традиции и новации в практике рыночно ориентированных административных реформ // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. №4.
13. Палиенко Н.И. Учение о существе правовой связанности государства. Харьков, 1908.
14. Селиванов В.М. Правовое развитие украинского общества как составляющая его демократической трансформации // Державно-правова реформа в Україні. К., 1997.
15. Теория юридического процесса / Под ред. В.М. Горшенева. Харьков, 1985; Фундаментальные проблемы формирования Советского правового государства / Под ред. В. М. Горшенева. Харьков, 1990.
16. Фалина А.С. Сервисное государство: истоки теории, элементы практики // Социология власти. 2012. №1.
17. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.
18. Шабров О.Ф. Стандарты качества в государственном управлении и политике // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2009. Т. 2. №5.
19. Шабров О.Ф. Испытание разнообразием: пределы управления в современном мире // Государственная служба. 2007. №2.
20. Шабров О.Ф. Политическая система: демократия и управление обществом // Государство и право. 2004. №5.

Referenses

1. Avtsinova G.I. Mify i real'nost' ustoichivogo razvitiya. Vlast'. 2012. №5.
2. Avtsinova G.I. Sotsial'no-pravovoe gosudarstvo: sushchnost' i osobennosti stanovleniya. Nauchno-analiticheskii zhurnal Obozrevatel'-Observer. 1996. №3.
3. Burenko V.I. Politicheskaya oppozitsiya: istoriya idei i sovremennyi politicheskii protsess. Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya). 2013. №8.
4. Gadzhiev K. S. Vvedenie v politicheskuyu nauku. M., 1997.
5. Grishin O.E. Politicheskie praktiki i tekhnologii: nekotorye sushchnostnye kharakteristiki. Obshchestvennye nauki. 2010. №4.
6. Grishin O.E. Politicheskaya deyatel'nost': tekhnologicheskoe izmerenie. Vestnik Omskogo universiteta. 2011. №3.
7. Grishin O.E. Tekhnologicheskoe obespechenie ustoichivosti politicheskoi sistemy. Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya). 2014. №16.
8. Veber M. Izbrannye proizvedeniya. M., 1990.
9. Kozyubra N. I. Ponyatie i struktura metodologii yuridicheskoi nauki. Metodologicheskie problemy yuridicheskoi nauki. Kiev, 1990.

10. Nesterchuk O.A. Moral' politiki i politika morali v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii. Bezopasnost' Evrazii. 2012. №1.
11. Morozova E.G., Falina A.S. Modernizatsiya kak kontsept sovremennoi politologii. Gosudarstvennaya sluzhba. 2013. №1(81).
12. Morozova E.G., Falina A.S. Traditsii i novatsii v praktike rynochno orientirovannykh administrativnykh reform. Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya). 2012. №4.
13. Palienko N.I. Uchenie o sushchestve pravovoi svyazannosti gosudarstva. Khar'kov, 1908.
14. Selivanov V.M. Pravovoe razvitie ukrainskogo obshchestva kak sostavlyayushchaya ego demokraticheskoi transformatsii. Derzhavno-pravova reforma v Ukraïni. K., 1997.
15. Teoriya yuridicheskogo protsessa. Pod red. V.M. Gorsheneva. Khar'kov, 1985; Fundamental'nye problemy formirovaniya Sovetskogo pravovogo gosudarstva. Pod red. V. M. Gorsheneva. Khar'kov, 1990.
16. Falina A.S. Servisnoe gosudarstvo: istoki teorii, elementy praktiki. Sotsiologiya vlasti. 2012. №1.
17. Yaspers K. Smysl i naznachenie istorii. M., 1991.
18. Shabrov O.F. Standarty kachestva v gosudarstvennom upravlenii i politike. Problemnyi analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie. 2009. T. 2. №5.
19. Shabrov O.F. Ispytanie raznoobraziem: predely upravleniya v sovremennom mire. Gosudarstvennaya sluzhba. 2007. №2.
20. Shabrov O.F. Politicheskaya sistema: demokratiya i upravlenie obshchestvom. Gosudarstvo i pravo. 2004. №5.

АГЕЕВ Глеб Валентинович – кандидат политических наук, доцент кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Институт деловой карьеры (Москва, Россия), e-mail: gleb1@mail.ru

AGEEV Gleb - PhD of political sciences, associate professor of humanities and natural sciences, Institute of business career (Moscow, Russia)

ОЛЕЙНИКОВ Сергей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, Национальная юридическая академия Украины им. Ярослава Мудрого (Харьков, Украина), e-mail: ole349987@mail.ru

OLEYNIKOV Sergey - PhD, associate professor, National Law Academy of Ukraine. Yaroslav the Wise (Kharkiv, Ukraine).